

DOI: 10.31648/pw.6891

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

О КОНЪЮНКТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

About conjunctive use of disjunctive conjunctions (based on Polish and Russian languages)

ABSTRACT: The author considers the problem of conjunctive use of disjunctive conjunctions in the perspective of functional grammar. In the first part of the article, the author verifies the logical approach to conjunctions, especially disjunctive conjunctions. The linguistic meaning of a conjunction is defined as information on the credibility or applicability of a (semantically) compound sentence under condition [10, 01], which means the alternative participation of referents in the described situation. In the following chapters, the author analyses several language facts, i.e. sentences that contain a disjunctive relationship but which, nevertheless, express the general meaning of conjunction. The author explains this phenomenon by the fact that, in such sentences, there are the types of configurations of conjunctions with exponents of other semantic categories: quantification and modality.

KEYWORDS: functional grammar, syntax, coordination, conjunction, disjunctive conjunction, quantification, interaction of semantic categories

Введение

Предмет данной статьи относится к области функциональной семантики – касается синтагматического взаимодействия экспонентов разных семантических категорий: союзов, кванторов и модальных слов. На проблему конъюнктивного употребления разделительного союза в статье 1964 года обратила внимание Е. В. Падучева. Этот вопрос – применительно к польскому и русскому языку – рассматривался также в некоторых (надо отметить – немногочисленных) последующих публикациях (Гладкий 1979; Санников 1985; 1989; Ананьева 2005; Fontański 1980; Wajszczuk 1997; Magner 2017 и др.), однако лингвистический статус данного явления по-прежнему остается не совсем определенным:

то ли мы имеем дело с отдельным значением разделительного союза, то ли с его специфическим (контекстно обусловленным) употреблением, то ли с основным значением, которое специфическим образом конфигурируется с учетом других, реализуемых в предложении семантических категорий. В данной статье для анализа материала будет применен функциональный подход: конструкции сочинительной связи рассматриваются как формы языковой репрезентации множества референтов.

Языковой материал был, преимущественно, почерпнут из доступных в интернете корпусов: русского языка (далее НКРЯ) и польского языка (далее НКПЯ). Заимствованные из корпуса предложения из художественных текстов приводятся без указания автора.

1. К семантике разделительных союзов

С одной стороны, оппозиция разделительных и соединительных союзов (как форм реализации сочинительной связи) опирается на понятие логических функторов (логических операторов или пропозициональных связей): дизъюнкции и конъюнкции. С другой стороны, известно, что логическое объяснение типов сочинительной связи не охватывает всех ее аспектов. Так, в литературе указывалось (Fontański 1980, 71 и др.; Ziemiński 1987, 75; Wajszczuk 1997, 271), что в предложениях с разделительными союзами реализуется разные логические связи: разделительная и неразделительная дизъюнкция, а также антиконъюнкция (штрих Шеффера). Подобно этому и в предложениях с соединительным союзом выражается не только конъюнкция, но также эквивалентность и тавтология (констелляция) (см. Киклевич 1991, 187).

Другая проблема описания союзов (особенно что касается сочинительных конструкций в составе простого предложения) заключается в том, что их содержание с точки зрения языковой интуиции не сводится к секвенциям истинностных значений (истинным таблицам или матрицам). Ссылки на категорию истины отсутствуют, например, при описании значения союзов в традиционных грамматиках и словарях, а также в лингво-семантических исследованиях. Так, при описании сочинительных союзов Ю. А. Левицкий (1981, 83 и др.) упоминает такие признаки, как различие либо отсутствие различия в лексическом составе компонентов; различие компонентов в один или более признаков; идентичность или различие синтаксических структур и др.

Такой лингвоцентрический подход к описанию союзов был применен В. З. Санниковым (1989, 103 и др.). В связи с описанием разделительных союзов он указывает, что в «наивной картине мира», соответствующей системе понятий, закрепленных за языковыми репрезентациями, передаваемая

в разделительных конструкциях семантическая информация не имеет отношения к истинностным значениям сложного предложения, определяемым в зависимости от истинностных значений компонентов. В частности, это касается истинности сложного предложения (*p* или *q*) при условии истинности обоих компонентов, т.е. 11^1 . Санников предлагает трактовку союза *или*, в которой данное условие «вообще не учтено: оно не разрешено и не запрещено, говорящий о нем вообще не думает». Семантика *или*, по мнению Санникова, заключается в понятии возможности:

[...] В предложениях с *или* каждый из компонентов возможен, но не обязателен. Для произносящего предложение *Здесь близко река или озеро* каждый из двух указанных водных массивов возможен: возможно, река есть, а может, ее и нет; то же самое следует сказать и об озере (Санников 1989, 104).

В соответствии с данной предпосылкой значение разделительного союза *или* определяется следующим образом:

X или Y = 'в качестве описываемого:
возможен X,
возможен Y'

Как видим, разделительный союз *или* равнозначен конъюнкции возможностей. На это косвенно указывает сам Санников, который в качестве примера такой равнозначности приводит предложение:

(1) Он придет *в пятницу или в субботу*.
// Он придет, *может*, в пятницу, *а может*, в субботу.

Санников считает это «косвенным доказательством того, что предлагаемое [им] понимание союза *или* не чуждо языковому сознанию», так как «возможность каждого из компонентов выражена [здесь] более эксплицитно элементами *может ... а может*» (1989, 105).

Эта же идея представлена в концепции Г. Фонтаньского (Fontański 1980, 64 и др.), который, выделяя несколько типов семантической реализации разделительных союзов (*alternatywa zwykła, alternatywa wykluczająca, alternatywa łączno-rozłączna, dysjunkcja, niepewność, następstwo, powtarzalność*), их общую характеристику определяет так: «говорящий считает некоторое положение

¹ В соответствии с традицией формальной логики символ «1» означает истину, а символ «0» – ложь. Символ «11» означает, что первый и второй компоненты передают правдивую информацию.

дел возможным, выделяя наличные в нем элементы и характеризуя их как несовместные² в момент реализации данной возможности» (там же, 72).

Интерпретация разделительной связи со ссылкой на понятие возможности представляется продуктивной с точки зрения системы языка – описания семантических оппозиций между соединительными, разделительными и отрицательными союзами (*и* – *или* – *ни*). При семантическом представлении предложений (т.е. при описании речевой деятельности) данный подход встречается, однако, с некоторыми трудностями. Во-первых, понятие возможности не является однозначным: в случае алетической возможности говорящий *знает*, что *p* или *не-p*, а в случае эпистемической возможности только *допускает* это, ср. предложения:

(2) Полученные две половинки доски соединяют *в гребень, шпунт или другим способом*.

// *Известно*, что полученные две половинки доски соединяют...

(3) Я приглашу *Гришу или Валеру*.

// *Я не знаю*, кого я приглашу: Гришу или Валеру.

В комментариях к своему толкованию союза *или* Санников ссылается на примеры, содержащие второй тип возможности, что может склонять к мысли о трактовке союза в контексте интенционального состояния неуверенности (незнания, предположения, допущения). Это только частично соответствует языковому материалу – в действительности, как показывает пример (2), область действия союза *или* шире.

Во-вторых, хотя Санников (в духе функциональной лингвистики) принимает во внимание критерий языковой интуиции, вызывает сомнение, насколько экспликация признака возможности при семантической интерпретации предложений с разделительной связью соответствует этому критерию. Содержащие семантический компонент [возможно] парафразы разделительных конструкций не всегда представляются очевидными с точки зрения языкового поведения в естественных, неспециальных условиях, как, например, в следующем случае:

(4) Никогда не ругайте *сына или дочь* за исправления.

? Никогда не ругайте, *может быть, сына, а может быть, дочь* за исправления.

? Никогда не ругайте, *возможно, сына, возможно, дочь* за исправления.

Обращение к семантике возможности не оправдано, видимо, также в случае употребления разделительных союзов, которое О. А. Ананьева (2005; см. также: Починяева 2018, 129 и др.) квалифицирует как несобственно-альтернативное, в частности – альтернативно-распределительное, ср.:

² Понятие несовместности широко употребляется, например, в алгебре (см. Ерохин 2002).

- (5) Почти все жители *были торговцами или шили разнообразную одежду*.
 ? Возможно, что почти все жители были торговцами, и возможно, что все жители шили разнообразную одежду³.

Использование возможности как семантического дескриптора кажется особенно неуместным в тех случаях, когда в предложении уже имеется лексический показатель возможности, содержание которого распространяется на все предложение⁴, например:

- (6) Возможно, он стеснялся или боялся.
 ? Возможно, он, может быть, стеснялся, а может быть, боялся.
 ? Возможно, он, возможно, стеснялся, а возможно, боялся.

При описании союзов следует помнить о том, что сочинительные конструкции представляют собой языковые формы репрезентации множеств, а также – с синтаксической точки зрения – множественных конститuentов. Эта идея ранее высказывалась в лингвистической литературе (Wierzbicka 1969, 117; Kamp/Partee 1995, 169 и др.). Множественная семантика стала той платформой, на которой в 70-е и 80-е годы прошлого столетия исследовалось взаимодействие двух семантических категорий: пропозициональных связок и кванторов. Ученые пришли к выводу, что между этими категориями существует функциональная симметрия, а выражения с кванторами и выражения с пропозициональными связками взаимно трансформируемы (Асанидзе 1981, 37; Bachmann 1985, 127; Belnap/Style 1981, 252; Бессонов 1985, 55; Hirst 1974, 133; Горский 1985, 19; Grzegorzczak 1975, 109; Klaus 1973, 257; Kotarbiński 1957, 150; Павилёнис 1975, 90; Tokarz 1986, 134). Указанная симметрия состоит в том, что квантору всеобщности соответствует парафраза с конъюнкцией, а квантору существования – парафраза с дизъюнкцией:

$$\forall x Q(x) = Q(a) \& Q(b) \& Q(c) \dots \quad (1)$$

$$\exists x Q(x) = Q(a) \vee Q(b) \vee Q(c) \vee (Q(a) \& Q(b)) \vee (Q(a) \& Q(c)) \dots \quad (2)$$

Этот параллелизм отражен и в естественном языке, а именно – в сочинительных конструкциях с так называемым обобщающим словом:

- (7) Основы дефектологии должны знать *все: и учителя, и родители*.
 (8) Социальная история отторгает от управления обществом *некоторые* группы населения: *рабов или буржуазию*.

³ По данным Ананьевой, такие на такие предложения приходится 12,5% всех конструкций с разделительным союзом.

⁴ Об этом подробнее речь будет в разделе 4.

- (9) Kiedy słońce zbyt mocno świeciło, *wszyscy – panowie i rolnicy* – szli do cienia.
 (10) Czy *któryś* specyfik (*szczepionka lub antybiotyk*) może źle oddziaływać na organizm?

Функция кванторных слов *все, каждый, любой, некоторые, никто, иногда, частично* и др. состоит в указании объема множества (предметов, ситуаций/событий, действий, состояний), охваченного сообщаемым в предложении признаком или, другими словами, имеющего отношение к сообщаемой в предложении информации. С этой точки зрения множество может быть полным, неполным или пустым. Конструкции с сочинительными союзами также можно интерпретировать как форму выражения информации о степени охвата некоторого указанного множества сообщаемым в предложении признаком, ср.:

- (11) *В понедельник и вторник* будет штормовая погода.
 Штормовая погода будет **ВО ВСЕ ЭТИ ДНИ**: *в понедельник и вторник*.
О КАЖДОМ ИЗ ЭТИХ ДВУХ ДНЕЙ: *понедельнике и вторнике*, – можно утверждать, что в это время будет штормовая погода.
 (12) *В понедельник или вторник* будет штормовая погода.
 Штормовая погода будет **В ОДИН ИЗ ЭТИХ ДНЕЙ**: *в понедельник или вторник*.
ОБ ОДНОМ ИЗ ЭТИХ ДНЕЙ: *понедельнике или вторнике*, – можно утверждать, что в это время будет штормовая погода.
 (13) *Ни в понедельник, ни во вторник* не будет штормовой погоды.
 Штормовой погоды не будет **НИ В ОДИН ИЗ ЭТИХ ДНЕЙ**: *ни в понедельник, ни во вторник*.
НИ ОБ ОДНОМ ИЗ ЭТИХ ДНЕЙ: *ни о понедельнике, ни о вторнике*, – нельзя утверждать, что в это время будет штормовая погода.

Разумеется, речь идет не о сходстве квантификации и юнкции⁵ (т.е. сочинения), а только о параллелизме этих категорий. Этого, однако, достаточно, чтобы усматривать в сочинительной связи информацию об участии множества объектов в ситуации: полном, частичном или нулевом. Различие двух категорий касается области определения: кванторы присоединяются к синтетическим формам номинации множества – дескрипциям, тогда как союзы присоединяются к аналитическим формам, т.е. к цепочкам индивидуальных терминов, называющих элементы множества:

$$\begin{array}{l} \text{все дети} \qquad \qquad \qquad \text{Петя, Миша и Сережа} \\ \forall (x) \{x \mid Q\text{-ДЕТИ}(x)\} \quad \{\text{ПЕТЯ}(a), \text{МИША}(b), \text{СЕРЕЖА}(c)\} \end{array} \quad (3)$$

⁵ Понятие юнкции как умножения, материального расширения одного из узлов синтаксической структуры ввел Л. Теньер (1988, 30 и др.).

Содержание кванторов, в отличие от содержания (логических) пропозициональных связей, имеет аффирмативный характер – в том смысле, что передавая ими информация определяет (или уточняет) условия достоверности предложения и не имеет отношения к условиям, при которых оно ложно. Другими словами, кванторное местоимение *некоторые* в предложении

(14) *Некоторые* банки снова снизили доходность депозитов.

определяет, в какой степени сообщение *снизили доходность депозитов* касается рассматриваемого множества банков, а именно – указывает на частичное отношение первого ко второму. Факт, что сообщение не касается части банков, относится к имплицитной (или имплекативной), а не ассертивной части предложения.

Аналогично этому можно констатировать, что и значение сочинительных союзов не сводится к группе истинностных значений сложного предложения, т.е. значений правды и неправды в зависимости от соответствующих условий: [11], [10, 01], [00]. Подобно кванторам, союзы определяют объем множества в связи с некоторым сообщением, при том что его отрицание не принимается в расчет. Иными словами, с лингвистической точки зрения экстенциональное определение союзов должно быть заменено их интенциональным определением (подробнее см. Войшвилло 1989, 42).

Сказанное не означает, что матрицы истинностных значений для лингвистического анализа не имеют смысла. Их эвристическая пригодность состоит в экспликации того, что употребление союза опирается на знания речевого субъекта об условиях, при которых предложение достоверно. Из всех возможных условий, принимаемых во внимание в классической логике, в языковом поведении, а именно – в естественных, неспециальных дискурсах, важны только те, которые касаются достоверности сообщений. Тем самым – с учетом лингвистических задач – в классических матрицах истинностных значений мы должны заштриховать те клетки, которые указывают на ложность сложного (результативного) предложения.

x	y	x и y	x или y	ни x, ни y
1	1	1	0	0
1	0	0	1	0
0	1	0	1	0
0	0	0	0	1

При таком подходе радикально меняется перспектива определения союзов: акцент переносится с истинностной характеристики композиционального предложения на свойства компонентов:

соединительный союз (x и y) < [11]
 разделительный союз (x или y) < [10, 01]
 отрицательный союз ($ни$ x , $ни$ y) < [00]

Такая трактовка представляется естественной, так как (особенно если иметь в виду простое предложение с однородными членами) сочинительный союз не имеет отношения к логическому значению целого предложения (условиям его истинности или ложности), а только к определенному множественному конституенту, т.е. к определенной конфигурации элементов множества, при которой предложение достоверно. Это соответствует языковой интуиции, а также лингвистическому представлению союзов. Например, Н. Н. Холодов (2013, 520) пишет о разделительных союзах, что они представляют содержание сочиненных элементов как нечто альтернативно разное: «Каждое явление, о котором говорится в сочиненных частях, мыслится [...] или как фактически, или как предположительно реальное только при фактическом отсутствии другого». Данная характеристика, как представляется, отчетливо и даже иконически отражена в условии [10, 01]: наличие одного элемента [1] сопутствует отсутствию другого элемента [0] и наоборот. В отличие от разделительного, соединительный союз указывает на участие в ситуации всех элементов множества – [11], а отрицательный союз – на неучастие в ситуации – [00].

2. Конъюнктивное употребление разделительного союза

Союзы имеют определенную сферу действия: они указывают на некоторые условия достоверности предложения, а именно – некоторые из возможных условий. Например, разделительный союз ничего не сообщает об условии [11] или условии [00], хотя в речевой деятельности такая информация может быть существенной и даже необходимой. Для того, чтобы передать дополнительную информацию об условиях достоверности предложения (другими словами – об области его референтного приложения), употребляются другие языковые средства: 1) лексические значения сочиняемых словоформ; 2) повторение союзов, например, *или... или* (как способ выражения информации о неприложимости предложения к условию [11]); 3) частицы. Например, частица *также* (*также и*) указывает на иерархию условий. В предложениях

(15) Это вопрос скорости *или также и* желаемого результата?

(16) Формой такого волшебного средства служит горный хрусталь *или также* кварц.

передается информация о том, что условие, соответствующее второму члену сочинительной конструкции (следующему после частицы), является менее значимым.

Одним из факторов, регулирующих функционирование союза, является характер значения глагольного (вершинного) предиката. Оппозиция соединительных и разделительных союзов наиболее очевидна в предложениях с ситуативными (эпизодическими, референтными) предикатами. Неслучайно в одном из словарей польского языка (Dubisz 2008) разделительный союз *czy* определяется с учетом ситуативного значения предложения:

Czy – [...] nadawca nie wie, która z dwóch charakteryzowanych w zdaniu możliwości zachodzi⁶.

Это хорошо иллюстрируется предложениями, которые описывают конкретную, выделенную (наблюдаемую или воображаемую) ситуацию и в которых замена одного союза на другой влечет очевидное изменение смысла, ср.:

- (17) Купи в магазине *хлеб и овощи*.
Купи в магазине *хлеб или овощи*.

Однако в составе качественных предложений, в частности, реализующих значение алетической возможности, эта оппозиция становится менее очевидной или вовсе нейтрализуется. Например, в предложении

- (18) Я знаю, где купить *мебель или плитку*.

имеется разделительная конструкция, однако нельзя утверждать, что оно достоверно при условии [10, 01]:

- (19) (a) ≠ Я знаю, где купить мебель, и я не знаю, где купить плитку. [10]
(b) ≠ Я знаю, где купить плитку, и я не знаю, где купить мебель. [01]
(c) = Я знаю, где купить мебель, и я знаю, где купить плитку. [11]

Совершенно очевидно, что условие достоверности данного предложения более соответствует конъюнкции, чем дизъюнкции, на что указывает и возможность замены разделительного союза на соединительный – без существенного изменения смысла всего предложения:

- (20) Я знаю, где купить мебель и / а также плитку.⁷

⁶ В предыдущем разделе уже была речь о том, что разделительный союз не всегда и не обязательно означает незнание, т.е. выражает эпистемическую возможность.

⁷ О двузначности такого типа предложений и о значении соединительного союза см. далее.

Санников (1989, 107), когда пишет о конъюнктивном употреблении союза *или*, приводит примеры предложений, все из которых, как можно заметить, имеют квалитативный характер, ср.:

- (21) Выемка угля в шахтах производится *ручным или машинным способом*.
 // ... *ручным и машинным способом*
- (22) Во время болезни меня навещали *Коля или Петя*.
 // ... *Коля и Петя*
- (23) *Голоса на деревне или скрип ворот* раздаются по студеной заре необыкновенно ясно.
 // ... *голоса на деревне или скрип ворот*

Санников ссылается на мнение А. В. Гладкого (1979, 210), который ранее писал, что подобного рода предложения с соединительным и разделительным союзом синонимичны, но различаются своими глубинными структурами. Так, в случае предложения (21) это различие имеет следующий вид:

- (24) ИЛИ: Когда в шахтах производится выемка угля, она *производится ручным способом или производится машинным способом*.
 И: Способы, которыми производится выемка угля в шахтах – *ручной и машинный*.

Хотя эвристическая ценность такого объяснения очевидна, нельзя не заметить, что приведенные трансформы существенно различаются конфигурацией конститутивных элементов: в первом позицию вершинного предиката занимает *производится*, тогда как во втором – [есть] *ручной и машинный*. Кроме того неясно, какие трансформационные правила регулируют переход от двух разных глубинных структур к одной поверхностной.

Санников подчеркивает, что в такого рода предложениях союз *или* не имеет отдельного «соединительно-разделительного» значения⁸, показывая это на примере (квалитативного) предложения:

- (25) По вечерам они читали *Булгина или Куприна*.

Ученый пишет, что в такого рода употреблениях разделительный союз выражает свое основное значение возможности:

- (26) Какой бы вечер ни взять, они читали (произведения), в качестве которых *возможны* (произведения) Булгина, *возможны* (произведения) Куприна.

⁸ Некоторые авторы пишут о присоединительном употреблении разделительного союза (Апресян/Пекелис 2012).

Такая интерпретация вызывает некоторые сомнения. Прежде всего она не представляется полностью адекватной по отношению к предложению (25), в содержании которого нельзя усмотреть ни возможности алетической (*Было возможно, что они читали ...*), ни возможности эпистемической (*Может быть, они читали ...*). С другой стороны, очевидно, что условие достоверности предложения, т.е. [11], не соответствует содержанию разделительного союза, на что указывают парафразы:

- (27) В одни вечера они читали Бунина, а в другие вечера они читали Куприна.
Были вечера, когда они читали Бунина, и были вечера, когда они читали Куприна.
Иногда по вечерам они читали Бунина, а иногда по вечерам они читали Куприна.

Такое же явление выступает и в современном польском языке. На это, в частности, обратила внимание Э. Магнер (Magner 2017, 92 и др.), которая приводит довольно много примеров из художественных и публицистических текстов, ср.:

- (28) *Od wojny mamy wiele kontaktów zagranicznych i pomoc, płynącą z Ameryki, z Anglii czy z Francji.*
// ... z Ameryki, Anglii i Francji
- (29) *W tych czasach wielu ludzi z Warszawy czy z Krakowa spędzało czas w Zakopanem.*
// ... z Warszawy i z Krakowa
- (30) *Dobrze mi idzie również z biologii, czy z geografii.*
// ... z biologii oraz geografii
- (31) *Nie uda się zahamować postępującej dekapitalizacji infrastruktury koszarowej, usługowej czy też obsługowo-remontowej.*
// ... koszarowej, usługowej, a także obsługowo-remontowej

Магнер не объясняет семантического механизма, который лежит в основе подобного рода употреблений разделительного союза, указывая лишь на то, что значение конъюнкции присутствует только в предложениях с союзом *czy* – его замена на союзы *lub*, *albo... albo* и др. существенно влияет на содержание предложения.

3. Попытка объяснения

Если вернуться к предложению (18), можно отметить, что условие его достоверности [11] не связано с разделительным союзом. В действительности разделительный союз не имеет отношения к объектам *знания* – он имеет отношение к объектам *покупки*, а точнее – *желания, намерения покупки*. На это указывает возможность перефразирования:

- (32) Что касается покупки *мебели или плитки*, я знаю где можно *купить и то, и другое*.
Если нужно купить *мебель или плитку*, я знаю где можно *купить и то, и другое*.

На конъюнктивное значения предложения в приведенных парафразах указывает компонент *и то, и другое*, который в поверхностной структуре не получил формального выражения. Что же касается разделительного союза, то он (на что справедливо указывал Санников) употребляется в своем основном значении: информация о намерении покупки мебели или плитки достоверна при условии [10, 01]⁹:

- (33) Представим, что вы хотите купить мебель или хотите купить плитку.

Подобного рода полипредикативность можно обнаружить и в предложении (25): в какое-то определенное время они читали Бунина [10] или Куприна [01] – о каждом из этих занятий [11] можно сказать, что это бывало по вечерам.

Такие же семантические предпосылки лежат в основе приведенных выше и других польских предложений. Например, предложение (30) можно перефразировать:

- (34) Co do biologii czy geografii / jeśli chodzi o biologię lub geografię, dobrze mi idzie z obu przedmiotów.
[10] [01] [10] [01] [11]

Нельзя не заметить, что подобного типа предложения с разделительным союзом напоминают предложения с кванторным местоимением *любой* (польск. *dowolny, wszelki, wszelaki* и др.): будучи маркером абсолютной квантификации, это местоимение употребляется в контексте ирреальности, потенциальности (см. Киклевич 1998, 146), ср.:

- (35) *На елке висят *любые шары*.
(36) Ревизор может явиться в *любой день*.

Так, последнее предложение означает: какой день ни взять (такой-то, такой-то или такой-то), в каждый из этих дней может явиться ревизор¹⁰.

Семантические свойства местоимения *любой* позволяют употреблять его в составе именной группы в позиции обобщающего слова при сочинительной конструкции с союзом *или*. При этом на потенциальный характер участия элементов множества в ситуации указывает частица *будь (то)*, например:

⁹ Неслучайно среди типов предложений с разделительными союзами, которые выделяет Н. Н. Холодов (2013, 521 и др.) нет типа, соответствующего конъюнктивному употреблению *или*.

¹⁰ Местоимение *каждый* с этой точки зрения является амбивалентным, т.е. выступает в предложениях с семантикой реальности и ирреальности.

- (37) В любом случае, *будь они карлики или великаны*, их не спутать ни с кем.
 (38) Опыт показывает, что *любые* запреты – *будь то юридические или религиозные* – рано или поздно будут нарушены.
 (39) Рано или поздно *любой* человек, *будь то Улисс, Леопольд Блум или просто турист*, должен возвращаться на Итаку, то есть к себе домой.
 (40) В любом деле, *будь то бизнес, политика, общественная деятельность, да и та же самая журналистика*, главное – это люди¹¹.

В предложениях такого типа наиболее отчетливо видно деление предложения на две смысловые части: конъюнктивную (содержащую квантор) и дизъюнктивную (содержащую сочинительную конструкцию):

... любой N – N₁, N₂ или N₃

Можно констатировать, что в предложениях рассматриваемого типа разделительный союз относится к *а с с у м п т и в н о й* части, которая указывает на некоторую область рассуждения, а именно – альтернативное множество (или множество альтернатив). Несмотря на то, что в одном отношении элементы этого множества представляются как несовместные (в каждый отдельный вечер читали Бунина или Куприна), в то же время в другом отношении они представляются как охваченные – все – некоторым сообщаемым признаком (не было вечера, в который они не читали бы Бунина или Куприна). В терминах логики предикатов применительно к предложению (25) это можно представить в виде конфигурации выражений с квантором всеобщности (в ассертивной части) и квантором существования (в ассумптивной части):

$\forall p (\exists x Q(x, y, p) \& \exists x Q(x, z, p))$ (4)

p – вечер (сентенциальный аргумент)

Q – предикат *ЧИТАТЬ*

x – субъект чтения (*они*)

y, z – объект чтения (*Бунин, Куприн*)

¹¹ Конструкции с частицей *будь (to)* употребляются при переводе польских конструкций с разделительным союзом *czy*. Вот два примера из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка: *Przedmioty zaś, na których się leci, miotła, ożóg, łopata czy cokolwiek innego, to jedynie martwe przedmioty, nieożywiona materia poddana woli magika i całkowicie od tej woli zależna* (Andrzej Sapkowski) – перевод: *Предметы же, на которых они летают, будь то метла, коверга, лопата или что-либо иное, – всего лишь мертвая, неодушевленная материя, подчиняющаяся воле магика и полностью от нее зависящая; Zadaniem maga jest zdobycie umiejętności rozpoznawania cech charakterystycznych w każdej rzeczy. W metalu, kamieniu, roślinie czy zwierzęciu* (Olga Tokarczuk) – перевод: *Задача мага – научиться распознавать характерные черты каждой вещи, будь то металл, камень, растение или животное.*

Приведенная формула читается так: ‘Для всех вечеров верно, что были такие вечера, когда они читали Бунина, и были такие вечера, когда они читали Куприна’.

К данному явлению относится также выделенный и описанный Г. Фонтанским (1980, 51 и др.) тип предложений, содержащих неопределенное семантическое отношение (польск. *niejednoprzedmiotowość odniesienia*)¹². Речь идет о языковых выражениях, в которых, как пишет Фонтанский, отношения членов сочинительной конструкции с некоторым общим для них (главным или зависимым) членом указывают на отношения с разными предметами (денотатами). Этому типу соответствуют предложения с альтернативно-распределительным значением в терминологии О. А. Ананьевой (2005): репрезентируемые события исключаются из плана совместного выполнения того или иного действия. Такой характер сочинительной связи наблюдается в следующем предложении:

(41) В Москву начали приезжать люди разных профессий *из Тамбова, из Челябинска, из Твери*.

Хотя синтаксически словоформы *из Тамбова, из Челябинска, из Твери* зависят от личного глагола (*приезжали из N*), с семантической точки зрения они связаны также с подлежащим *люди*, причем связаны, как пишет Фонтанский, таким образом, что каждый из сочиненных элементов соответствует другому денотату из множества денотатов существительного *люди* (во мн. числе). Отношение двух множеств:

$$M_1 = \{\text{люди}\}$$

$$M_2 = \{\text{из Тамбова, из Челябинска, из Твери}\}$$

имеет распределенный характер (польск. *odpowiedniość*): не имеется в виду то, что каждый приехавший в Москву человек был из Тамбова, Челябинска и Твери, а то, что часть людей была из Тамбова, часть из Челябинска, а часть из Твери. Фонтанский иллюстрирует это с помощью следующей парфразы:

(42) В Москву начали приезжать *люди₁ из Тамбова, люди₂ из Челябинска, люди₃ из Твери*.

¹² Такой тип референции сочинительной группы (и вообще множественного актанта) называется дистрибутивным – он находится в оппозиции к коллективному типу референции (коррелации и кокуренции), подробнее см. Киклевич 2019, 175 и др.

Если представить содержание данного предложения в терминах логики предикатов, можно наблюдать, как и в случае предложения (25), конфигурацию квантора всеобщности и квантора существования:

$$\forall x \quad (\exists x_1 (P(x_1, y_1) \& \exists x_2 P(x_2, y_2) \& \exists x_3 P(x_3, y_3))) \quad (5)$$

P – предикат *ПРОИСХОДИТЬ (ИЗ)*

Q – предикат *ПРИЕЗЖАТЬ*

x – субъект (*люди*)

y – аблативный аргумент (*из Тамбова, из Челябинска, из Твери*)

z – директивный аргумент (*в Москву*)

Данная формула означает: ‘Для всех людей, которые приезжали в Москву, было верно, что среди них были такие, которые приехали из Тамбова, такие, которые приехали из Челябинска, и такие, которые приехали из Твери’. Как видим, в этом предложении, подобно тем, которые были рассмотрены ранее, имеется некоторая область рассуждения – ряд повторяющихся ситуаций одного типа (*кто-то приехал откуда-то*) с разными участниками (*из Тамбова, из Челябинска, из Твери*). Их участие в ситуации имеет альтернативный характер: в каждый конкретный отрезок времени в Москву приезжали люди из Тамбова, из Челябинска или из Твери.

Обратим внимание на то, что здесь при описании содержания предложения с соединительной связью появляется разделительный союз *или*. Ничего удивительного – это совершенно естественно следует из конъюнкции выражений с квантором существования: хотя все эти люди приезжали в Москву [11], однако в каждой конкретной ситуации это были люди из того или другого города [10, 01]. В этом и кроется объяснение того, что предложение допускает (без значительного изменения смысла) форму с разделительным союзом:

(43) В Москву начали приезжать люди разных профессий *из Тамбова, из Челябинска или из Твери*.

На возможность такой субституции указывает Фонтанский (1980, 54): на дистрибутивную референцию сочинительной конструкции, то есть на несовместимость во времени (польск. *niewspólistnienie w czasie*), по его утверждению, в предложениях данного типа могут указывать также разделительные союзы. В качестве примера он приводит предложение из прозы Станислава Дыгата:

(44) [O tej porze] właściciele drewnianych domków *drzemali albo jedli zupę*.

Как пишет Фонтанский, именная группа *o tej porze* указывает на то, что в предложении не идет речь ни об общем значении возможности, ни о сле-

довании событий (*właściciele drzemali* и *właściciele jedli zupę*) во времени. Хотя существительное во мн. числе *właściciele* обозначает множество, о котором нечто сообщается (*спали, ели суп*), элементы сообщения распределены: они (на что и указывает разделительный союз) относятся к разным элементам множества владельцев деревянных домиков. Имеется в виду:

- (45) Ten, kto był właścicielem drewnianego domku, w pewnym czasie i pewnym miejscu drzemał lub jadł zupę (jeden drzemał, drugi jadł zupę).

Другим важным элементом содержания предложения является информация о том, что повторяющиеся ситуации обоих типов имели место *в данное время (o tej porze)*, т.е. выполняется условие [11], характерное для конъюнкции. Иными словами, и здесь (подобно как в предыдущих случаях) мы имеем дело с конфигурацией выражений, содержащих квантор всеобщности и квантор существования:

$$\forall x (\exists x_1 R(x_1, z) \& \exists x_2 S(x_2, y, z)) \quad (6)$$

R – предикат *СПАТЬ*

S – предикат *ЕСТЬ*

x – субъект (*владелец деревянного домика*)

y – объект (*суп*)

z – отрезок времени (*в это время, в эту пору*)

Формула читается: ‘Для всех владельцев деревянных домиков верно, что некоторые из них в это время спали, а некоторые ели суп’. Ассертивная часть предложения информирует о том, чем конкретно занимались в это время владельцы деревянных домиков, тогда как экспозитивная часть – о том, что все они были чем-то заняты, с ними что-то происходило.

То, что в сочинительных конструкциях рассматриваемого типа выступает разделительный союз, является (если принять во внимание предложенное выше объяснение) вполне естественным и ожидаемым. Скорее, странным и требующим специального истолкования является то, что на месте *или* может выступать соединительный союз. Так, предложение (44) допускает равнозначные парафразы:

- (46) [O tej porze] jedni właściciele drewnianych domków drzemali, a drudzy jedli zupę.
 (47) [O tej porze] właściciele drewnianych domków drzemali, jedli zupę, rozkładali pasjansę, gapili się w sufit.
 (48) [O tej porze] właściciele drewnianych domków czasem drzemali, a czasem jedli zupę.
 (49) [O tej porze] właściciele drewnianych domków raz drzemali, raz jedli zupę, raz gapili się w sufit.

Фонтанский (1980, 51) пишет о странности этих конструкций, их неопределенном лингвистическом статусе, отдавая, однако, предпочтение их конъюнктивной интерпретации: он рассматривает данные языковые выражения в категории соединительной связи, а объясняет это так: на первом плане находится аналитическое представление некоторого множества, например: {люди из Тамбова, люди из Челябинска, люди из Твери}; {владельцы домиков спали, владельцы домиков ели суп}, что является конститутивным свойством соединительной связи.

С учетом того, что ассумптивная часть предложения выражает альтернативу, верным было бы говорить не о конъюнктивном употреблении разделительного союза, а, напротив, о дизъюнктивном употреблении соединительного союза¹³. Такое употребление возможно благодаря дополнительным средствам, которые модифицируют условия достоверности сообщения. Одним из них является кванторное наречие русск. *иногда* (*иногда... а иногда*), польск. *czasem, raz... raz*, ср. (48) и (49). Союз *а* относится к числу соединительных, однако значение языковой конструкции зависит также от сопутствующих компонентов, например:

(50) Маша говорит, а Петя молчит.

(51) Иногда Петя много говорит, а иногда все время молчит.

В первом случае условием достоверности сложного предложения является [11]: обе ситуации (*Маша говорит, Петя молчит*) имеют место. Во втором случае на результативное содержание предложение влияет кванторное слово: условие достоверности [10, 01] означает, что имеет место одна из ситуаций (бывает так, что Петя много говорит, и бывает так, что Петя все время молчит).

4. Разделительный союз в модальном контексте

Если в предыдущем разделе были рассмотрены языковые выражения, в которых союзная семантика взаимодействует с квантификацией, то теперь я займусь другим видом такого взаимодействия: союзов и модальных слов¹⁴. Особый интерес вызывает конфигурация разделительной связи и алетиче-

¹³ Л. Беднарчук (Bednarczuk 1960, 105) пишет, что основное значение соединительных (копулятивных) союзов состоит в указании на совместимость предметов, явлений, событий и др. во времени и пространстве. Согласно Т. М. Николаевой, «основным значением союза *и* можно считать передачу одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на сосуществующие пропозиции» (Николаева 1997, 18).

¹⁴ Следует отметить, что в «Русской грамматике» союз *или* относится к числу недифференцирующих, т.е. таких, значение которых «в той или иной степени определяется контекстом» (Шведова 1980, 616).

ской возможности¹⁵. Проблема состоит в том, что семантика возможности в таких предложениях реализуется дважды: с одной стороны, как указывалось в разделе 2, она заключена в содержании разделительной связи; с другой стороны, возможность отдельно выражается специальным модальным словом. Например, если обратиться к предложению

(52) Его ответ *мог* услышать директор или кто-то из учителей.

в его содержании можно усмотреть двукратное повторение значения возможности: союз *или* указывает на возможность одной из ситуаций – с участием *директора* и с участием *кого-то из учителей*, тогда как модальный глагол указывает на возможность альтернативы. Если этот смысл передать композиционно, т.е. в форме предложения

(53) Было *возможно*, что его ответ *может* услышать директор и *может* услышать кто-то из учителей.

данную парафразу следует признать странной, по крайней мере – неестественной с узуальной точки зрения. Значит, в предложениях рассматриваемого типа не происходит механическое суммирование значений отдельных операторов, а их динамическая конфигурация, подобно конфигурации позициональных связей в сложных предложениях (типа *если p или q, то r*).

Для описания этой конфигурации важно учитывать два обстоятельства. Первое – это вершинный (с семантической, а иногда и грамматической точки зрения) статус модального оператора¹⁶:

$\diamond (p \vee q)$ (7)

ВОЗМОЖНО (ИЛИ) (p, q) (8)

Второе обстоятельство – семантика алетической возможности. У Зембинского (Ziemiński 1987, 111) можно прочесть, что алетическая возможность (*возможно A*) означает отсутствие фактора, в силу которого имеет место *не-A*. В предложении

(54) Latem w Polsce temperatura w południe *może* wynosić 30 C.

¹⁵ Напомню, что алетическая возможность состоит в интерпретации некоторого события или положения дел как наступающего или имеющего место при определенных условиях (Петрова 2011, 81). З. Зембинский (Ziemiński 1987, 111) трактует такую возможность как динамическую: выражение *возможно A* означает отсутствие условия или фактора, в силу которого *A* не имеет места.

¹⁶ Такой порядок структурирования предложения принят в функциональной и категориальной грамматике (см. Kutschera 1971; Dik 1997; Zifonun 2018).

модальное слово означает, что не существует причины, по которой температура воздуха не достигнет 30° С. Это сообщение, по мнению польского логика, равнозначно сообщению о том, что не существует причины, по которой температура воздуха обязательно или наверняка достигнет 30°С. Другими словами, из предложения (54) следует предложение (55) – оба являются истинными или ложными независимо от утвердительного или отрицательного значения предиката:

(55) *Latem w Polsce temperatura w południe może nie wynosić 30° C.*

С обыденной точки зрения возможность как осуществимость чего-либо при определенных условиях равнозначна альтернативе: возможность A предполагает возможность $не-A$. Другими словами, если A не является необходимым (обязательным, неизбежным), то возможно A или возможно $не-A$ (возможно, что температура будет 30° С, и возможно, что она будет другой):

$$\neg \Box A \rightarrow \Diamond (A \vee \neg A) \quad (9)$$

Например, когда в кухонном рецепте мы читаем:

(56) Совершенно необязательно, чтобы нарезка была мелкая.

мы понимаем, что за этим сообщением скрывается альтернатива: нарезка может быть мелкая или крупная.

Если возможность A предполагает возможность $не-A$, то можно констатировать, что достоверность сообщения с формой алетической возможности не зависит от истинностного значения ассумптивной части сообщения, что хорошо видно на примере (54) и (55). Содержание модального оператора соответствует, таким образом, логическому функтору тавтологии:

p	$\Diamond p$
1	1
0	1

Тавтология в логике означает истинность сложного предложения при любых условиях, независимо от истинности/ложности компонентов (см. Malatesta 1997, 123). Это свойство алетической возможности проявляется также в конфигурациях модального оператора и сочинительного союза. Используя матрицу истинностных значений, эти конфигурации можно показать следующим образом.

p	q	$p \& q$	$p \vee q$	$\diamond(p \& q)$	$\diamond(p \vee q)$
1	1	1	0	1	1
0	1	0	1	1	1
1	0	0	1	1	1
0	0	0	0	1	1

Поскольку конъюнктивные и дизъюнктивные выражения в модальной рамке соответствуют логической тавтологии, можно констатировать, что в этих условиях происходит нейтрализация соединительной и разделительной связи. Это можно представить в виде некоторых преобразований:

$$\diamond(A \& \neg A) \leftrightarrow \diamond A \& \diamond \neg A \quad (10)$$

$$\diamond(A \vee \neg A) \leftrightarrow \diamond A \& \diamond \neg A \quad (11)$$

Аргументация в пользу нейтрализации оппозиции соединительной и разделительной связи в модальной рамке может иметь также другой характер. Известно, что (на это указывалось в разделе 2) с точки зрения языковой интуиции разделительная связь равнозначна конъюнкции возможностей:

$$p \vee q \leftrightarrow \diamond p \& \diamond q \quad (12)$$

Это позволяет переписать формульное представление предложения с алетической возможностью:

$$\diamond(p \vee q) \leftrightarrow \diamond(\diamond p \& \diamond q) \quad (13)$$

Из логики нам известно, что повторение оператора возможности не вносит новых элементов в экстенциональное содержание предложения, тем самым от повторения символа \diamond в формуле (13) можно избавиться:

$$\diamond(\diamond p \& \diamond q) \leftrightarrow \diamond(p \& q) \quad (14)$$

Как видно, исходная формула (13) – заключающая дизъюнкцию, и результирующая формула (14) – заключающая конъюнкцию, равносильны. Данная закономерность находит свое проявление в том, что в предложениях с семантикой алетической возможности сочинительные конструкции с соединительной и разделительной связью взаимозаменяемы – замена одного типа союза на другой не влияет на содержание предложения. С такой ситуацией мы имеем дело в предложении

(57) Мы могли *уехать* или *остаться*.

Свойственным предложениям в разделительным союзом условие достоверности [10, 01], т.е. альтернатива, здесь не выполняется, так как имеется равнозначная парафраза с конъюнкцией частей:

- (58) Мы могли уехать и могли остаться.
Мы могли как уехать, так и остаться.

По такому же принципу сконфигурировано содержание других предложений, заимствованных из НКРЯ:

- (59) [Он] с одинаковой легкостью мог говорить или молчать.
... мог говорить и мог молчать // мог и говорить, и молчать
- (60) Желающие могли потанцевать или уединиться за столиком.
... могли потанцевать и могли уединиться // могли немного потанцевать, а потом уединиться
- (61) Но он мог славить или охаивать то или иное произведение в угоду заказчику.
... мог славить и мог охаивать // как славить, так и охаивать
- (62) С одинаковым успехом я мог надеть галстук или не надеть галстука.
... мог надеть галстук и мог не надеть галстука // как надеть галстук, так и не надеть галстука

Имеются и ситуации обратного типа, когда соединительный союз в модальной рамке может быть без изменения смысла предложения заменен разделительным союзом. Ниже приводится несколько примеров из интернет-корпуса:

- (63) Заключение эксперта могло быть как устным, так и письменным.
// ... быть устным или письменным
- (64) В последние минуты игры шайба могла оказаться как в одной, так и в другой сетке ворот.
// ... оказаться в одной или в другой сетке ворот
- (65) Он мог бы классифицировать их как по цвету, так и другими способами.
// ... классифицировать по цвету или другими способами
- (66) Каланы могли бы прятаться в них как от хищников, так и от непогоды.
// ... прятаться в них от хищников или от непогоды

Подобное явление наблюдается также в современном польском языке – ср примеры из НКПЯ:

- (67) Za te wszystkie dobra celtyccy osadnicy mogli płacić zbożem lub skórami zwierząt.
// ... płacić zarówno zbożem, jak i skórami zwierząt
- (68) Uzyskana ocena mogła przyspieszyć lub opóźnić przyjęcie Polski do Unii.
// ... tak przyspieszyć, jak i opóźnić przyjęcie Polski do Unii

- (69) *Czas mógł być wrogiem lub sojusznikiem.*
 // ... zarówno wrogiem, jak i sojusznikiem
- (70) *Ponownie w grodzie Leliwitów będziemy mogli spotkać znanych lub mniej znanych.*
 // ... spotkać znanych, jak i mniej znanych

Следует обратить внимание, что соединительная связь в модальной рамке – особого рода: референты сочиненных словоформ равновозможны, т.е. равноправны с точки зрения возможности, но несовместны с точки зрения участия в одной и той же ситуации. Другими словами, здесь мы имеем дело с дистрибутивной референцией (см. раздел 3). В таких условиях употребление союза *и* встречает некоторые трудности, так как этот союз в первую очередь ассоциируется с коллективной референцией сочинительных конструкций. В случае такой референции замена *и* на союз *как... так и*, а также на союз *и... и* при сохранении смысла предложения невозможна, ср.:

- (71) *Он мог петь и скакать по сцене.*
 // ... петь и одновременно скакать по сцене
 ... как петь, так и скакать по сцене
- (72) *Он может прийти и сказать...*
 // ... прийти и сразу сказать
 ≠ ... как прийти, так и сказать
- (73) *Он может работать и спать.*
 // ... работать и одновременно спать
 ≠ ... как работать, так и спать
- (74) *Любая случайность могла всплыть и погубить его голову.*
 // ... всплыть и тем самым погубить его голову
 ≠ ... как всплыть, так и погубить его голову
- (75) *Вот всё, что я мог припомнить и написать.*
 // ... припомнить и сразу после этого написать
 ≠ как припомнить, так и написать

В то же время в языковой практике встречаются нередкие случаи употребления союза *и* в модальных конструкциях с дистрибутивной референцией, ср.:

- (76) *Мы можем петь и смеяться, как дети.*
 // ... и петь, и смеяться, как дети
- (77) *Корь может вызвать энцефалит и пневмонию.*
 // ... как энцефалит, так и пневмонию
- (78) *Клиент может класть и снимать деньги со своего счёта.*
 // ... как класть, так и снимать

Заключение

Представленное в статье исследование функциональной семантики польских и русских разделительных союзов опиралось на теоретическую предпосылку о том, что содержание предложения представляет собой результат динамической конфигурации его номинативного значения и разного рода синтаксических операторов, прежде всего модальных слов, кванторов и союзов. Передаваемый разделительными союзами языковой смысл состоит в передаче информации о том, что элементы некоторого множества (соответствующие членам сочинительной конструкции) участвуют в описываемой ситуации или имеют отношение к некоторому сообщаемому признаку по принципу альтернативы: участие одного элемента исключает участие другого. В связи с этим условие достоверности предложения с разделительным союзом определено как [10, 01].

Взаимодействие разделительных союзов с кванторами и модальными словами приводит к тому, что результирующее содержание предложения не обязательно соответствует данному условию. Наличие в предложении значения абсолютной квантификации способствует его конъюнктивной интерпретации, тогда как сферой действия разделительного союза является ассумптивная часть предложения, в которой сообщается об исходной области рассуждения – объекте квантификации. В предложениях с алетической возможностью модификация разделительной связи обусловлена вершинным статусом модального предиката, а также тавтологией (конstellацией) как его основной экстенсией характеристикой.

Во всех рассматриваемых случаях разделительный союз сохраняет свое основное значение альтернативы – нет оснований для того, чтобы утверждать о его конъюнктивном употреблении, а тем более – о его отдельном конъюнктивном значении.

Библиография

- АНАНЬЕВА, О. А. (2005), Полипредикативные разделительные предложения с союзом «или»: строение и семантика. Самара (диссертация). [Anan'yeva, O. A. (2005), Polipredikativnyye razdelitel'nyye predlozheniya s soyuзом „ili”: stroyeniye i semantika. Samara (dissertatsiya.)]
- АПРЕСЯН, В. Ю./ПЕКЕЛИС, О. Е. (2012), Сочинительные союзы. В: Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru>. [Apresjan, V. Y./Pekelis, O. E. (2012), Sochinitel'nyye soyuzu. In: Russkaya korpusnaya grammatika. URL: <http://rusgram.ru>.]
- АСАНИДЗЕ, Г. З. (1981), О диалогическом обосновании логики. В: Микеладзе, З. (ред.), Логико-семантические исследования. Тбилиси, 37-54. [Asanidze, G. Z. (1981), O dialogicheskom obosnovanii logiki. In: Mikeladze, Z. (ed.), Logiko-semanticheskie issledovaniya. Tbilisi, 37-54.]
- БЕЛНАП, Л./СТИЛ, Т. (1981), Логика вопросов и ответов. Москва. [Belnap, L./Steel, T. (1981), Logika voprosov i otvetov. Moskva.]

- БЕССОНОВ, А. В. (1985), Предметная область в логической семантике. Новосибирск. [Bessonov, A. V. (1985), *Predmetnaya oblast' v logicheskoy semantike*. Novosibirsk.]
- Войшвилло, Е. К. (1989), Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ. Москва. [Voisvillo, E. K. (1989), *Ponyatie kak forma myshleniya*. Logiko-gnoseologicjeskiy analiz. Moskva.]
- Гладкий, А. В. (1979), О значении слова *или*. В: Семиотика и информатика. 13, 196-214. [Gladkiy, A. V. (1979), *O znachenii slova ili*. In: *Semiotika i informatika*. 13, 196-214.]
- ГОРСКИЙ, Д. П. (1985), Обобщение и познание. Москва. [Gorskiy, D. P. (1985), *Obobshchenie i poznanie*. Moskva.]
- ЕРОХИН, В. И. (2002), Оптимальная матричная коррекция и регуляризация несовместных линейных моделей. В: Дискретный анализ и исследование операции. Сер. 2. 9/2, 41-77. [Yerokhin, V. I. (2002), *Optimal'naya matrichnaya korrektsiya i regulyartzatsiya nesovmestnykh lineynykh modeley*. In: *Diskretnyy analiz i issledovanie operatsii*. Ser. 2. 9/2, 41-77.]
- КИКЛЕВИЧ, А. К. (1991), Логическая интерпретация союза *и* в семантической структуре предложения и текста. В: Норман, Б. Ю./Яхнов, Г. (ред.), Проблемы лингвистики текста. Минск, 181-197. [Kiklewicz, A. (1991), *Logicheskaya intpretatsiya soyuza i v semanticheskoy strukture predlozheniya i teksta*. In: Norman, B. Y./Jachnow, H. (eds.), *Problemy lingvistiki teksta*. Minsk, 181-197.]
- КИКЛЕВИЧ, А. (1998), Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München. [Kiklewicz, A. (1998), *Yazk i logika*. Lingvisticheskie problemy kvantifikatsii. München]
- КИКЛЕВИЧ, А. (2019), Смысл – текст – интеракция. Языковые репрезентации. Москва. [Kiklewicz, A. (2019), *Smysl – tekst – interaktsiya*. Yazykovye reprezentatsii. Moskva.]
- ЛЕВИЦКИЙ Ю. А. (1981), Семантика русских сочинительных союзов. В: Григорьев, В. П. (ред.), Проблемы структурной лингвистики 1978. Москва, 83-91. [Levitskiy, Y. A. (1981), *Semantika russkikh sochinitel'nykh soyuzov*. In: Grigor'ev, V. P. (ed.), *Problemy strukturnoy lingvistiki 1978*. Moskva, 83-91.]
- НИКОЛАЕВА, Т. М. (1997), Сочинительные союзы «А», «НО», «И»: история, сходства и различия. В: Николаева, Т. М. (ред.), Славянские сочинительные союзы. Москва, 3-24. [Nikolaeva, T. M. (1997), *Sochinitel'nye soyuzu: „A”, „NO”, „I”*: istoriya, skhodstva i razlichiya. In: Nikolaeva, T. M. (ed.), *Slavyanskije sochinitel'nye soyuzu*. Moskva, 3-24.]
- ПАВИЛЁНИС, Р. (1975), Язык и логика. Вильнюс. [Pavilyonis, R. (1975), *Yazyk i logika*. Vilnius.]
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1964), Опыт логического анализа союза «или». В: Филологические науки. 6, 145-148. [Paducheva, E. V. (1964), *Opyt logicheskogo analiza soyuza "ili"*. In: *Filologicheskie nauki*. 6, 145-148.]
- ПЕТРОВА, М. А. (2011), Специфика форм совершенного вида модальных глаголов со значением возможности: *смочь* и *суметь*. В: Русский язык в научном освещении. 1 (21), 77-109. [Petrova, M. A. (2011), *Spetsifika form sovershennogo vida modal'nykh glagolov so znacheniem vozmozhnosi: smoch' i sumet'*. In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (21), 77-109.]
- ПОЧИНЯЕВА, О. А. (2018), Роль разделительного союза *то... то* в создании пространственно-временной модели повествования романа Г. Б. Адамова «Тайна двух океанов». В: Поволжский педагогический вестник. 6/4 (21), 128-131. [Pochinyaeva, O. A. (2018), *Rol' razdelitel'nogo soyuza to... to v sozdanii prostranstvenno-vremennoy modeli povestvovaniya romana G. B. Adamova „Tayna dvukg okeanov”*. In: *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 6/4 (21), 128-131.]
- САННИКОВ, В. З. (1985), Семантика и прагматика союза «или». В: Семиотика и информатика. 24, 117-141. [Sannikov, V. Z. (1985), *Semantika i pragmatika soyuza „ili”*. In: *Semiotika i informatika*. 24, 117-141.]
- САННИКОВ, В. З. (1989), Русские сочинительные конструкции. Семантика, прагматика, синтаксис. Москва. [Sannikov, V. Z. (1989), *Russkie sochinitel'nye konstruijsii*. Semantika, pragmatika, sintaksis. Moskva.]

- ТЕНЬЕР, Л. (1988), Основы структурного синтаксиса. Москва. [Teznière, L. (1988), *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. Moskva.]
- ХОЛОДОВ, Н. Н. (2013), Сложносочиненные предложения с разделительными союзами. В: Акимова, Г. Н. (ред.), Синтаксис современного русского языка. Хрестоматия с заданиями. Санкт-Петербург, 518-526. [Kholodov, N. N. (2013), *Slozhnosochinennye predlozheniya s srazdelitel'nymi soyuzami*. In: Akimova, G. N. (ed.), *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka*. Khrestomatiya s zadaniyami. Saint Petersburg, 518-526.]
- ЧУПАХИН, И. Я./БРОДСКИЙ, И. Н. (1977), Формальная логика. Ленинград. [Chupakhin, I. Y./ Brodskiy, I. N. (1977), *Formal'naya logika*. Leningrad.]
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1980), Русская грамматика. II: синтаксис. Москва. [Shvedova, N. Y. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika*. II: sintaksis. Moskva.]
- BACHMANN, H. (1985), *Der Weg der mathematischen Grundlagenforschung*. Bern/Frankfurt am Main/New York.
- BEDNARCZUK, L. (1960), Spójnik kopulatywny w językach indoeuropejskich. W: *Biuletyn PTJ*. XIX, 99-115.
- DUBISZ, S. (red.) (2008), *Uniwersalny słownik języka polskiego*. A-J. Warszawa.
- FONTAŃSKI, H. (1980), Stosunki współrzędności w zdaniu pojedynczym w języku polskim i rosyjskim. Katowice.
- GRZEGORCZYK, A. (1975), *Zarys logiki matematycznej*. Warszawa.
- HINST, P. (1974), *Logische Propädeutik*. München.
- KAMP, H./PARTEE, B. (1995), Prototype theory and compositionality. In: *Cognition*. 57, 129-191.
- KLAUS, G. (1973), *Moderne Logik*. Berlin.
- KOTARBIŃSKI, T. (1957), *Wykłady z dziejów logiki*. Łódź.
- KUTSCHERA, F. von, (1971), *Sprachphilosophie*. München.
- MAGNER, E. (2017), Spójnik „czy” – koniunkcja. W: *Edukacja Filozoficzna*. 64, 89-97.
- TOKARZ, M. (1986), Semantyka bez pojęcia denotacji. W: *Studia Semiotyczne*. XIV-XV, 133-146.
- WAJSZCZUK, J. (1997), System znaczeń w obszarze spójników polskich. Wprowadzenie do opisu. Warszawa.
- WIERZBICKA, A. (1969), *Dociekania semantyczne*. Wrocław etc.
- ZIEMBIŃSKI, Z. (1987), *Logika praktyczna*. Warszawa.
- ZIFONUN, G. (2018), Syntaktische Analyse in der Kategorialgrammatik. In: Hagemann, J./Staf-feldt, S. (Hrsg.), *Syntaxtheorien. Analysen im Vergleich*. Tübingen, 97-126.

